

secrète, которую можно найти въ глубинѣ души одичавшихъ духовно массъ, населяющихъ пригороды Парижа.

*В. В. Зъньковскій.*

Emmanuel Berl. Mort de la morale bourgeoise. Editions de la Nouvelle Revue Française.

Любопытная книга. Очень показательная для настроеній тѣхъ французскихъ intellectuelles, которые имѣютъ симпатію къ коммунизму и возстали противъ утонченій буржуазной культуры. Ошибутся тѣ, которые по заглавію подумаютъ, что авторъ пишетъ противъ морали банкировъ и фабрикантовъ, противъ представителей капитала. Morale bourgeoise это рафинированный культурный слой Франціи. Книга пестритъ именами Бергсона, Бруншвига, Дю Боса, Моритена, Габріеля Марселя, П. Валери, Пруста и имъ подобныхъ. Культура для Берля отождествляется съ буржуазностью и особенно утонченная культура нашего времени. Берль самъ отравленъ утонченной культурой, онъ протестуетъ противъ нея, какъ «буржуа», который объѣлся ея явствами, а не какъ «пролетарій», который не получалъ еще къ ней доступа. Книга написана, какъ памфлетъ. Хотя у автора и есть дарованіе, но недостаточное для памфлета. Нуженъ былъ бы даръ Леона Блуа. Нѣтъ ничего легче, чѣмъ все и вся отрицать и высмѣивать. Но чтобы не было скучно, нужна постоянная острота въ отрицаніи и насмѣшкѣ. Книга Берля чисто французская и понятная лишь внутри французской культуры, въ ней нѣтъ ничего интернаціональнаго. Это есть внутренняя французская борьба противъ элиты французской культуры. Такого явленія въ другихъ странахъ просто не существуетъ, утонченность есть чисто французское явленіе и французская опасность. Буржуазная мораль для Берля есть прежде всего культурность, эстетизмъ, спиритуальность, культъ внутренняго «я», презрѣніе къ грубой матеріи и къ грубымъ матеріальнымъ вопросамъ. Русскому смѣшно читать эту книгу. Можно подумать, что насъ переносятъ во времена Чернышевскаго и Писарева, но въ условіяхъ болѣе высокой и утонченной культуры. Мотивы Берля очень родственны мотивамъ Писарева и русскаго нигилизма, но только самъ онъ прошелъ черезъ Бергсона, съ увлеченіемъ читалъ Пруста и А. Жида, отравленъ всѣми ядами «буржуазной» культуры. Французскій нигилизмъ не имѣетъ силы и убѣдительности русскаго нигилизма, который былъ формой безблагодатнаго аскетизма и потому феноменомъ религіознаго порядка. Но Берль также хочетъ грубой и элементарной пищи, требуетъ простыхъ истинъ, близкихъ и понят-

ныхъ рабочему. Онъ идетъ на большую интеллектуальную жертву и заканчиваетъ свою книгу защитой матеріализма. Онъ, конечно, достаточно образованный и культурный человѣкъ чтобы понимать, что философски и научно матеріализмъ есть вздоръ и безграмотность. Убѣжденности русскихъ коммунистовъ, связанной съ очень низкимъ культурнымъ уровнемъ, у Берля нѣтъ. Но ему нравится матеріализмъ, какъ бѣдность, честность, воздержаніе отъ всякихъ утонченныхъ выдумокъ. Пролетарій для него естественно матеріалистъ, а буржуа идеалистъ и спиритуалистъ. Но русскіе нигилисты, русскіе матеріалисты обнаруживаютъ способность дѣйствительно повѣрить въ матеріализмъ, они люди вѣрующіе, совсѣмъ не скептики. Берль же скептикъ, онъ нисколько не вѣритъ въ тотъ матеріализмъ, который защищаетъ. У него страстная реакція противъ Бергсона, но Бергсонъ лишилъ его возможности вѣрить въ матеріализмъ. Ясно, что Берль вполне на сторонѣ русскаго коммунизма, всѣ его симпатіи принадлежатъ Москвѣ. Но органически онъ не принадлежитъ коммунистическому движенію, онъ любитъ имъ со стороны, онъ, повидимому, даже не способенъ заинтересоваться вопросами социальнаго порядка, онъ интересуется исключительно вопросами порядка интеллектуальнаго, эстетическаго и моральнаго. Очень характерно для человѣка французской культуры, что онъ безпощаденъ къ протестантизму и считаетъ его носителемъ буржуазнаго духа и прислужникомъ капитала и сравнительно болѣе снисходителенъ къ католицизму. Но онъ же язвительно пишетъ объ «обращеніяхъ» въ католичество французскихъ писателей. Не безъ остроумія пишетъ онъ о томъ, какъ «безсознательное», которое сначала было матеріалистическимъ, было обращено въ христіанскую вѣру и буржуа изъ рационалиста сталъ сторонникомъ «безсознательнаго». Иногда Берль забываетъ объ утонченныхъ французскихъ писателяхъ и мыслителяхъ, съ которыми сводитъ счеты, и начинаетъ говорить о дѣйствительно буржуазной морали, столь господствующей во Франціи, о ея лицемѣрїи, условности, риторичности. Думаю, что Берль правъ, когда говоритъ о лживости буржуазной защиты свободы. Иногда кажется, что буржуазная мораль есть не столько мораль класса, сколько мораль Запада, — ея никогда не было въ Россіи, русскіе люди всегда съ отвращеніемъ относились къ буржуазной морали и буржуазнымъ оцѣнкамъ. Возможно, что буржуазная мораль явится у насъ въ результатѣ коммунистической революціи. Этого Берль не можетъ понять. Онъ совсѣмъ не понимаетъ метафизики буржуазности, которая всегда заложена въ томъ, что человѣкъ вѣритъ лишь въ міръ видимыхъ вещей и не вѣритъ въ міръ невидимыхъ вещей. Матеріализмъ есть чисто буржуазная идеологія. Любопытно, что Ленинъ совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность

пролетарской культуры, онъ хотѣлъ лишь пріобщенія пролетаріата къ міровой, въ концѣ концовъ буржуазной и вульгаризированной культуры. Коммунисты въ культурномъ отношеніи часто бываютъ очень ретроградны. Книга Берля имѣетъ лишь симптоматическое значеніе, она свидѣтельствуетъ о кризисѣ европейской культуры, объ упадочности, къ которой приводитъ отрывъ культурнаго слоя отъ соціального цѣлага.

*Николай Бердяевъ*

*Б. Вышеславцевъ. Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ. YMCA PRESS, Paris, 1929. 77 стр.*

Маленькая, но чрезвычайно содержательная книжка *Б. Вышеславцева* посвящена проблемѣ, весьма актуальной въ современной философіи. Максъ Шелеръ своимъ «эмоціональнымъ интуитивизмомъ», т. е. ученіемъ о томъ, что чувство есть психическій актъ, направленный на объективныя цѣнности и пріобщающій ихъ къ сознанию субъекта, привлекъ вниманіе многихъ философовъ къ ученію Паскаля о «логикѣ сердца», отличной отъ логики ума. Въ русской литературѣ эта проблема давно уже понята: вспомнимъ хотя бы философію Юркевича и статью о ней Вл. Соловьева. Въ настоящее время печатается «Исторія украинской философіи» Д. Чижевскаго; въ ней авторъ въ числѣ своеобразныхъ чертъ малороссійской мысли указываетъ склонность къ разработкѣ философіи сердца и посвящаетъ особую главу исторіи этой проблемы въ Малороссіи. Въ числѣ послѣднихъ изслѣдованій въ этой области слѣдуетъ упомянуть статью *Б. Вышеславцева* «Знаніе сердца въ религіи» (Путь, № 1, 1925,) и статью *В. Зѣньковскаго* «Объіерархическомъ строѣ души» (Тр. Рус. Нар. Унив. въ Прагѣ, т. II), въ которой Зѣньковскій рассматриваетъ чувство, какъ высшее эмпирическое выраженіе сверхъэмпирической духовной основы жизни человѣка.

Ставя вопросъ о сердцѣ во всей его глубинѣ, на основѣ христіанской и индійской мистики, *Вышеславцевъ* разумѣетъ подъ словомъ сердце не только способность чувства, но еще и нѣчто гораздо болѣе значительное — именно то онтологическое сверхраціональное начало, которое есть истинная самость личности. Индійская мистика понимаетъ это начало, какъ тождественную основу всѣхъ живыхъ существъ, тогда какъ христіанство настаиваетъ на первичной множественности индивидуальныхъ я. Отсюда *Вышеславцевъ* объясняетъ различіе между христіанскою любовью и буддійскимъ «состраданіемъ безъ любви». Стоя выше раздѣленія на духъ и тѣло, метафизическое на-